

Нить Ариадны

ВОСПОМИНАНИЯ А. А. ШОСТЬИНОЙ

Ариадна Александровна Шостьина родилась 3 июня 1905 года в Москве. Она была самым младшим, пятым, ребенком в семье. Жили Шостьины в Сергиевом Посаде на Вифанской улице, неподалеку от дома Флоренских. Пять лет Ариадна Александровна проучилась в сергиевской прогимназии, а затем, в 1919–20 гг., в связи с голодом и лишениями послереволюционных лет, вместе с матерью и старшими сестрами переехала в Смоленск.

Вернувшись в родной город, Ариадна Александровна завершила среднее образование. Тяжелое время заставило пятнадцатилетнюю девочку устроиться на службу, и с тех пор началась ее трудовая деятельность. В середине 30-х годов она поступала в Московский университет, сдала экзамены, но ее как советскую служащую не приняли, хотя «от станка брали даже с неудовлетворительной оценкой». Бывший профессор МДА С. С. Глаголев¹ посоветовал Ариадне Александровне поступать на

¹ Преподавал в МДА Основное богословие в 1892–1919 гг. Родился в 1865 г. Дата кончины неизвестна.

До нашего времени еще дожили люди, которым Промыслом Божиим было суждено стать как бы связующей нитью между двумя эпохами. Их историческое предназначение, видимо, заключается в том, что они своей жизнью связали дореволюционную и постсоветскую Россию и таким образом воссоздали целостность и преемственность народного самосознания. К таким людям, без сомнения, можно отнести и А. А. Шостьину — дочь одного из последних инспекторов МДА. В ее воспоминаниях запечатлелись картины из жизни дореволюционной Академии и многие выдающиеся личности, составившие в XX веке славу Русской Церкви.

заочное отделение географического факультета Ленинградского университета, куда брали людей ее общественного положения. В университете она училась долго. «Я не спешила: хотелось все знать». Работала она в Москве в службе Гидрометцентра, а летом на два месяца уезжала в город на Неве для сдачи экзаменационной сессии.

Война застала Ариадну Александровну во время одной из таких сессий. Выбралась она из Ленинграда чудом. После возвращения учебного заведения из эвакуации, она перевелась в Московский университет, который закончила в 1946 году. Ее оставили работать на географическом факультете. Ходила в экспедиции по европейской части СССР. Более сорока лет она проработала в университете и вышла на пенсию довольно поздно.

С 1933 года Ариадна Александровна постоянно живет в Москве, а с 1936 года является прихожанкой храма святого пророка Илии, что в Обыденном переулке.

К тому времени, когда была сделана аудиозапись ее воспоминаний (в 1996 году), Ариадна Александровна,

будучи уже в весьма преклонном возрасте, полностью потеряла зрение (глаукома), и частично — слух, однако, несмотря на это, она сохранила удивительно ясное сознание. Яркие детские впечатления глубоко врезались в ее память. Ниже мы приводим фрагменты ее воспоминаний, в которых сохранена ее живая речь — речь человека благоговейно пронесшего через свою многотрудную и долгую жизнь светлую память о встречах с удивительным людьми...

ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕШЬ

Вот как рассказывает Ариадна Александровна о своих встречах со старцем Зосимовой пустыни Алексием:

«Как-то в 1922-м году приходит ко мне дочка Голубцовых¹ — Нюрочка, и говорит:

— Аруся! Поедем со мной сегодня в Зосимову пустынь.

— Ну, поедем.

Собралась моментально. Была зима. Мы поехали. И как раз так получилось, что мы приехали в то время, когда батюшка вышел из затвора и принимал приходящих к нему... Это такое счастье! Господи, какой он был ласковый, какой он был светлый! Мы исповедовались, на другой день причастились. Это никогда не забудешь. Он был уже в схиме...

Потом в 1923-м году монастырь закрыли. Все монахи разлетелись, кто куда...»

Ариадна Александровна рассказала дальше, что однажды, находясь во дворе своего дома, она неожиданно услышала звук проезжавшей по улице пролетки. Верх пролетки был закрыт. «И вдруг, у меня вот так сердце забилось. (При этих словах Ариадна Александровна постучала несколько раз кулаком по столу — В.С.) Что такое? Я вскочила, обежала вокруг дома и вижу — эта пролетка уже через три дома от нас и въезжает в ворота. Оказывается, это ехал батюшка отец Алексий. Через три дома от нас жила одна дама — Верховцева, и она приняла его в свою квартиру... Большую комнату занимал отец Макарий, его келейник, а малюсенькую комнатку, там кровать стояла — отец Алексий занимал. Я на Пасху носила им куличи. А когда все начинало расцветать, я в открытое окно комнатки бросала цветы: сначала ландыши, потом фиалки, потом бубенчики, и так все лето бросала им цветы.

Мимо этого дома я ходила за водой. И вот иду однажды с коромыслом, с ведрами, а навстречу мне — отец Макарий! И вот он мне говорит (он немножко гнусавил):

¹ Имеется в виду семья профессора МДА А. П. Голубцова (1860–1911).

”Ариадна! Старец сказал наместнику (жившему неподалеку последнему наместнику Лавры, архимандриту Крониду, под началом которого считал себя о. Алексий): ”Вот, девушка носит цветы...“, и отец наместник разрешил тебе прийти на десять минут. Приходи в воскресенье в два часа“.

Я — как на небо улетела! Я так ждала этого воскресенья, прямо ни о чем другом больше и не думала. Конечно, не десять минут, а пятнадцать у старца наверняка была. Но потом больше-то его не видала.

В 1928-м году батюшка скончался. Мой день именин — 1 октября, а он умер 2 октября. Отпевали его в Петропавловской церкви. Поздно вечером я пришла туда, простилась с ним, а похоронили его на Кукуевском кладбище перед храмом, около алтаря. И там он был, кажется, до 1955-го, по-моему, года. А потом как-то прихожу туда, а могилки нет. Оказалось, его перехоронили на новое кладбище, за Переславской».

БУКЕТИК ГЕРАНИ

С особым умилением вспоминала Ариадна Александровна о своей встрече со Святейшим Патриархом Тихоном, которая произошла уже после закрытия Лавры в 1920 году. «...Он приезжал в Сергиево и служил в приходской Рождественской церкви всенощную. Там в левом приделе был образ «Утоли моя печали». И помню, после всенощной объявили, что Святейший завтра в 8 часов утра уезжает в Москву. Я решила идти провожать. Конечно, не спала, проснулась ранехонько. Были у меня цветочки в двух горшках на окошках — герани цветущие — белые, красные, розовые. Я эти цветочки оборвала, и вышел вот такой букетик. Завязала ленточкой и побежала на вокзал. Ни-ко-го. Тогда там было два вокзала — зимний и летний. Между ними платформа. Никого. Думаю: «Что ж такое? Неужели ошиблась?» Хожу, волнуясь, и, вдруг, смотрю — идут. Идет Святейший Патриарх в сопровождении какого-то духовного лица. Я очень обрадовалась, подошла под благословение, и передала ему этот букетик. Думаю: «Никого народа нет! Ничего не понимаю. Я думала, толпа народа будет. Ничего подобного! Я была единственный человек. Думаю, побегу к Голубцовым, у них народу много, кто-нибудь пойдет со мной. Бегом бежала, это порядочно, километра полтора. Не помню, кто из братьев со мной побежал. Прибежали. Они еще ходят по платформе. И вот, Святейший — с моим букетиком. Господи, не пренебрег таким моим букетиком! Мог отдать провожатому, а он ходит — с моим букетиком и с посохом. Мы опять к нему подошли и я снова взяла благословение. Скоро пришел и поезд александровский. Они сели и уехали. Это было мое первое благословение у Святейшего. А потом, когда уж он был под домашним арестом в Донском монастыре

(келья у него была около стены как раз на Донскую улицу), мы, кто интересовался, знали, что в два часа дня Святейший выходит на стену и благословляет тех, кто внизу под стеной ожидает его выхода.

А потом, когда Святейшего хоронили в Донском монастыре, мы поехали туда вместе со старшим братом Николаем. И представьте себе, какая тогда была нищета: от вокзала Ярославского до Донского монастыря ведь немалое расстояние, но у нас не было денег на трамвай, и мы шли пешком. И когда пришли, встали в очередь, которая шла почти от самой Калужской улицы, человек шесть в ряд, и так тянулась к самому монастырю. Люди обходили вокруг гроба и выходили. Постояли мы пять часов в очереди, попрощались со святителем — и опять обратно пешком».

«ОН БЫЛ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК!»

Ариадна Александровна прекрасно помнит старую Академию и Сергиев Посад начала века. С большой любовью она вспоминает о своем отце Александре Павловиче Шостыне. Он родился 23 мая 1862 года в городе Касимове Рязанской губернии в семье диакона, а затем священника, отца Павла Иларионовича Шостына. По окончании Касимовского духовного училища Александр Павлович поступил в Рязанскую духовную семинарию. В 1881 году его послали учиться в Московскую Духовную Академию, которую он успешно закончил в 1885 году со степенью кандидата богословия. С тех пор начинается его преподавательская и ученая деятельность в нашей Академии. В июне 1890 года он защитил магистерскую диссертацию на тему: «Источники и предмет догматики по воззрению католических богословов последнего полувека».

Особую страницу в жизни Александра Павловича занимает его деятельность в качестве инспектора МДА с 30 октября 1907 года по 7 июня 1912 года. 21 февраля 1906 года «последовало определение Синода о временных правилах в виде поправок к Уставу 1884 года, которые даровали Академиям в значительной степени автономии. В частности: выборность ректора и инспектора...»¹ Согласно этому определению в 1906 году

инспектором был выбран заслуженный профессор М. Д. Муретов (1852–1917 гг.), которого вскоре сменил на этом посту профессор А. П. Шостын.

К своему новому церковному послушанию Александр Павлович отнесся с особым усердием и ревностью, вплоть до полного самоотвержения. Он отличался любящим и милующим сердцем, о чем свидетельствовали и сами его студенты: «Он очень хороший человек!» Ариадна Александровна рассказывала, что ее отец заботливо относился к студентам и часто ходатайствовал, чтобы им

не понижали отметку по поведению, так как это могло повредить их дальнейшей жизни. Однажды кто-то возразил Александру Павловичу: «Так ведь они нас не уважают!» Инспектор ответил: «Тогда я не могу нести мою должность», после чего написал прошение ректору освободить его от занимаемой должности. Владыка-ректор, прочитав прошение, скомкал его и бросил в урну.

В 1912 году «вышло такое постановление, чтобы инспекторами были духовные лица», и Александра Павловича сменил на этом посту архимандрит Анатолий (Грисюк) (1880–1938 гг.). В последние годы существования старой Академии инспекторскую должность занимал исповедник и выдающийся богослов архимандрит (впоследствии архиепископ Верейский) Иларион (Троицкий) (1886–1929 гг.), о котором у Ариадны Александровны остались самые теплые воспоминания.

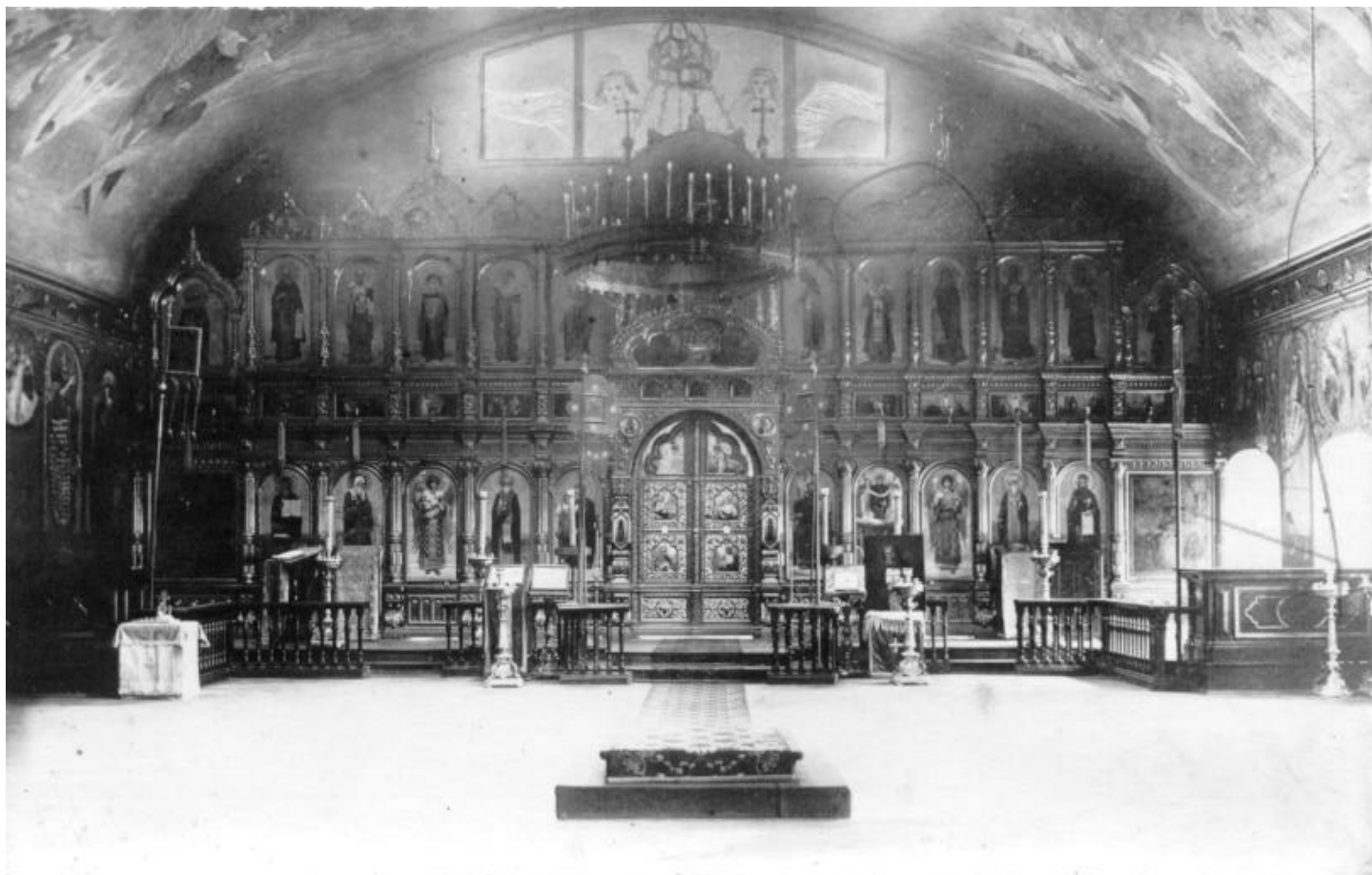
Профессор Шостын был человеком талантливым. Его дарования проявлялись не только на учебно-педагогическом поприще, но и в области музыки. Он великолепно играл на скрипке. Ариадна Александровна вспоминает, что врачом МДА в те годы «был Аркадий Владимирович Танин², скрипач. А папа наш тоже был скрипач. Когда Танины у нас бывали, папа и Аркадий Владимирович играли в две скрипки, а мама — на рояле. Какие концерты устраивали!»

¹ Голубцов С., диакон. История МДА (1900–1919 гг.). Загорск. 1977. Т. 1. С. 22.

² А. В. Танин был врачом МДА в 1910–1915 гг. и 1918–1919 гг. Родился в 1874 г. Дата кончины неизвестна.

Профессор А. П. Шостын, 1909 г.

Покровский академический храм в 1913–1919 годах

Скончался Александр Павлович в довольно молодом возрасте. Ему было всего 53 года. «А болел папа всего только три дня. Нет, вообще-то, он болел много: пять раз — воспалением легких, два раза — воспалением почек, ездил лечиться на юг — на Кавказ или еще куда-то. Но смертельная болезнь длилась три дня. Что-то у него в ухе случилось, а тогда какой-то новый доктор появился в Сергиевом Посаде, и он пошел к нему. Мама говорила: «Не ходи к нему; мы не знаем о нем ничего...» Папа ответил: «Нет, он — специалист». Случилось заражение крови... И мы, конечно, очень горевали, нас было пять человек детей. Но теперь-то я думаю: слава Богу, что он скончался. Он не испытал ни тюрьмы, ни ссылки...»

Умер Александр Павлович Шостьин 11 января 1916 года. Его отпевали в академическом храме, а погребен он был на академическом кладбище, рядом с могилой В. П. Лучинина¹ (1845–1911 гг.). Духовенство МДА служило панихиды на его могиле вплоть до самого закрытия Академии в 1919 году. «Отец Игнатий², преподаватель, служил панихиду 40 дней на могиле папиной, а мы, дети,

пели панихиды. Когда он не мог — просил своих товарищей — отца Пантелеимона,³ отца Матфея⁴».

НЕ В ПРИХОДСКОЙ, А В АКАДЕМИЧЕСКОЙ...

Особый интерес представляют воспоминания Ариадны Александровны об Академии начала века. Тогда она была еще совсем ребенком, но тем не менее картины прошлого ярко запечатлелись в ее памяти.

«В здании Чертогов был актовъ зал. А потом какие-то пустые комнаты по дороге к храму. И там же (в здании Чертогов — В. С.) жил ректор... С ним жил отец Симеон⁵... Когда владыка Феодор⁶ был в Тамбове, в семина-

² Иеромонах Игнатий (Садковский) (1877–1938 гг.) был помощником библиотекаря МДА в 1911–1918 гг. Впоследствии епископ Скопинский.

³ Иеромонах Пантелеимон (Успенский), преподавал патрологию в 1912–1917 гг.

⁴ Возможно, им был иеромонах Матфей (Олейник), студент МДА в 1912–1916 гг.

⁵ Архимандрит Симеон (Холмогоров).

⁶ Феодор (Поздеевский), епископ Волоколамский (1876–1948). Ректор МДА в 1909–1917 гг. Профессор кафедры Пастырского богословия.

¹ Лучинин Василий Петрович (1845–1911 гг.), был лектором немецкого языка в 1870–1911 гг.

рии, кажется, ректором, отец Симеон был инспектором. Тогда были такие брожения, и в ректора выстрелили. Хотели выстрелить-то в Феодора, а попали в Симеона, да в ноги, и они у него отнялись... И конечно, Поздеевский-то, считал себя обязанным — держал отца Симеона у себя, за ним ухаживали. Он ездил на коляске...»

Особые воспоминания у Ариадны Александровны связаны с Покровским академическим храмом. Ее родители молились всегда в академической церкви, поэтому можно сказать, что первые годы своей жизни с 1905 по 1919 годы Ариадна Александровна была прихожанкой нашего храма. На наш вопрос о том, помнит ли она дореволюционный храм, Ариадна Александровна ответила: «Ну как же не помнить?! Я помню два ремонта! Ведь сначала церковь была низенькая... Потом верх был поднят. И сначала были колонны по сторонам архиерейского места, а потом они были сняты, и сверху над иконостасом было сделано стеклянное окно... Прежде было сделано такое устройство, что над Царскими вратами поднимался образ Покрова Божией Матери в ризе с позолоченными металлическими лучами во все стороны. По пятницам его опускали, ставили на столик, прикладывались. По пятницам вечером была служба, и все прикладывались к этому образу. Потом его опять поднимали наверх».

Западная часть храма выглядела тоже иначе. «Вот там, где теперь в храме хоры, снизу был так называемый коридорчик, где стояли профессорские семьи: внутри коридорчика и перед коридорчиком на ступеньке. И двери были большие массивные со стеклом посередине... Сейчас — только столбики. А тогда были стены, и только посередине — двери. Ну вот, мы, дети, стояли в дверях, а у стены стояли профессорские семьи: наши родители, Тареевы и другие. Над окном был небольшой колокол...»

Как уже упоминалось выше, архимандрит Симеон (Холмогоров) жил в покоях ректора. «Он сам выезжал из Чертогов в храм... Теперь-то это музей (ЦАК МДА — В. С.), а раньше из этих дверей выезжал на колясочке отец Симеон. Мы всегда подходили к нему под благословение, и он останавливался у дверей (коридорчика — В. С.) на своей коляске и тут молился».

Богослужения в академическом храме отличались особой торжественностью. На правом и левом клиросе пели два студенческих хора. Ежедневно в пятницу вечером служилось всенощное бдение, во время которого «сам преосвященный ректор читал акафист Покрову Божией Матери и произносил поучение, а в пении, под руководством отца инспектора, принимали участие по возможности все молящиеся, которых собиралось тогда более 500 человек». Именно тогда и опускалась икона Покрова Божией Матери, которая находилась в иконостасе над Царскими вратами.

По воспоминаниям Ариадны Александровны, во время чтения шестопсалмия на всенощном бдении выключался свет в храме, и включались электрические лампочки, которые были установлены сверху в звездочках, нарисованных на сводах. Чтец становился посередине храма прямо под куполом и при свете этих «звездочек» читал установленные псалмы.

Непосредственными детскими впечатлениями наполнены воспоминания Ариадны Александровны о праздновании Пасхи в Лавре и Академии.

«...Бывало, нас, детей, спать укладывали перед заутреней. Просыпались мы или нас будят, гул такой стоит! — в «Царя»¹ звонят. Ох, какой был колокол! Царь-колокол! Прекрасный колокол. Это был самый большой колокол в мире! Но он был самый нежный, и говорили, потому у него такой мягкий и приятный звук, что очень много серебра в него влили. Звонит, гудит этот колокол. А над домом, который через дорогу, нам был виден крест колокольни, горящий... В нем, кажется, было две тысячи лампочек...»

Мы проснемся, станем, оденемся и отправляемся уже в храм. Мы всегда ходили не в приходский, а в академический храм... В 1914 году была построена новая ограда (с южной стороны МДА — В. С.). До нее была деревянная, а то сделали вот ту, которая теперь стоит, и тут же такие же ворота, такая же будочка сторожа... И около ворот, у этой ограды — фейерверк! Фейерверк устраивали. Как уж, кто это разрешил? Я бы не разрешила. Нам, детям, конечно, очень было интересно это...»

Служба церковная шла очень торжественно. Когда кончалась светлая заутреня, все шли поздравлять отца ректора, который с крестом стоял на амвоне. Не знаю, весь ли народ он благословлял или нет. Корпорация-то шла вперед. Мы прикладывались ко кресту, поздравляли, и шли вниз. Там была «профессорская комната»², где устраивался чай, пасха, кулич и, что нас, детей, очень привлекало, шоколадные конфеты... Потом мы спешили прийти к чтению Евангелия.

Чтение Евангелия происходило особым образом. Оно читалось во многих местах: в алтаре, на амвоне, на северной и южной сторонах храма и перед коридорчиком, где стояла корпорация.

Каждое Евангелие читалось на своем языке. Греческий, латинский, русский³, конечно, французский, немецкий, английский, я не знаю уж какие.⁴ Евангелия читались очень долго...

Каждое Евангелие читалось на своем языке. Греческий, латинский, русский³, конечно, французский, немецкий, английский, я не знаю уж какие.⁴ Евангелия читались очень долго...

¹ По воспоминаниям С. А. Волкова: «Этот колокол весом в четыре с лишним тысячи пудов в начале января 1930 года был сброшен с колокольни, разбит на куски и увезен на переплавку.» С. А. Волков. Последние у Троицы. М. — Спб., 1995. С. 276.

² Сейчас комнаты 33, 34 административного здания.

³ Имеется в виду церковно-славянский язык.

⁴ Евангелие на еврейском языке читал прот. Е. Воронцов (См. Волков С.А. Указ. соч. С. 128).

На западной стороне Евангелие читали перед раскрытыми дверьми коридорчика, в котором стояли профессора... Мы, дети, стояли тут же. Помню, как тут читал Евангелие болгарин иеродиакон Гавриил.¹ Он читал так, как, видно, у них полагається в Болгарии. Он как-то завывал, раскачивался в одну сторону, другую... Отец Гавриил был молодой еще, студент...

Весной 1919 года Академия была закрыта, «академический храм захвачен, закрыт и опечатан студентами Электрокурсов, созданных при Военно-Электрической Академии...»² В храме был устроен городской клуб, алтарь сломан, построены сцена и балкон. «В Академии устроили так называемое «Главное военное Инженерное управление» (ГВИУ), а в храме был устроен клуб. Не знаю, как могли, но городская молодежь туда ходила и танцевала. Мы там, конечно, в то время не бывали. А потом там было еще кино, и пожар случился... Ну, все это в молодости пережито».

После возрождения Академии Ариадна Александровна неоднократно посещала ее. Была и в новом академическом храме, который был возрожден в 1955 году.

Вспоминая внешнее устройство Академии, Ариадна Александровна упомянула о том, что когда-то Академию «ограждал деревянный заборишко, а нынешняя ограда была поставлена к 300-летию Романовых; она подходит к корпусу, который назывался инспекторским; на втором этаже была казенная квартира нашего отца, а под ним — эконоом, дальше — студенческие номера, потом библио-

Учебно-административный корпус

¹ Иеродиакон Гавриил (Мануйлов) был студентом МДА в 1914–1918 гг.

В связи с войной в 1918 году уехал в Константинополь, так как был турецким гражданином.

² Волков С. А. Указ. соч. С. 204.

Академическое кладбище

тека, больница, а потом — конюшня (или «пролетный ряд»), площадка гимнастическая»³.

Ректору и инспектору Академии предоставлялся личный транспорт. «У ректора была пара лошадей. Одну лошадь звали Плутарх, другую — Усердный. А у инспектора была лошадь под названием Грозный. Все они были черной масти».

Ариадна Александровна вспоминала также и об устройстве и особенностях академической территории. Она говорила, что перед академическим корпусом был сад, четыре кедра и душистый горошек. Был садовник, который ухаживал за клумбой, находившейся, видимо, перед аудиторским корпусом. Современного парадного входа в учебно-административный корпус не было. Главный вход располагался там, где сейчас находится вход в покои ректора МДА. Современные покои ректора занимали бухгалтерия, швейцарская и приемная.

Вдоль здания Чертогов были посажены цветы, а от Чертогов, от входа в квартиру ректора к забору — аллея сирени. У современной первой проходной были два двухэтажных домика с флюгерами. Там жили белые кролики. Вход в домики был через нору под землей.

После смерти Александра Павловича его дети стали часто посещать академическое кладбище. Ухаживали за могилкой, зажигали лампадку, пели панихиды. «За памятником⁴ от колокольни к зданию Чертогов была аллея могил. Позади памятника был похоронен ректор Сергей Константинович Смирнов,⁵ слева от него — Евгений Евстигнеевич Голубинский⁶, Дмитрий Федорович Голу-

³ Вероятно, на месте современного 50-го корпуса.

⁴ Этот существующий ныне памятник был построен в середине 1950-х годов. До 1918 г. там были отдельные памятники на каждой могиле.

⁵ Смирнов С. К., прот. (1818–1889 гг.), в 1878–1886 гг. был ректором МДА.

⁶ Голубинский Е. Е. (1834–1912 гг.). Профессор кафедры Истории Русской Церкви и Истории Славянских Церквей.

бинский¹, в сторону — Лучинин, наш отец, потом Смирнов², потом Спасский³, Муретов⁴...»

Ближе к колокольне находились студенческие могилки, но их было немного. Академическое кладбище было разрушено большевиками в 1918 году.

НЕ НАРУШАЙТЕ ЭТИКЕТ

Ариадна Александровна живо помнит людей, которые для нас уже стали частью истории, буквально легендарными личностями. Говоря о певческом даровании архимандрита Илариона (Троицкого), она умилительно вспоминала: «Какой он был певец! Как он пел соло «Чертог...» на Страстной неделе! Прекрасно!» Вспоминала она и о своей последней встрече с отцом Павлом Флоренским. «Встречались мы с ним, конечно, мало. Он служил в «Красном кресте» священником. «Красным крестом» мы называли общежитие медицинских сестер. Они вели полумонашеский образ жизни. В общежитии была церковь...»

А потом, уже в голодном 1919-м году, мы уезжали, в Смоленскую область, где жила мамина сестра. Там было как-то легче с питанием, чем в Москве. Мой брат, Сергей Александрович, остался, и его просили сдать квартиру (она была большая и пустовала) приехавшему из Москвы профессору Московского университета с семейством.

Отец Павел (Флоренский) преподавал тогда в ВЭТИ (Высший электро-технический институт) и писал книгу «Диэлектрики». Он приходил в семейство, которое жило у нас на квартире, и диктовал Софье Ивановне, супруге профессора, свои «Диэлектрики» — а она печатала. Он был в нашей квартире много раз, но тут мы не встречались...

Мой братец исполнял по дому тяжелые работы: колосил и носил дрова, носил воду за два квартала. Но когда его не было, то вместо него работала я. Однажды, идя за дровами, которые я наколола, в какой-то курташке, вся в березовых ошурках, в больших красных рукавицах, встречаю на лестнице отца Павла. Дама, вообще, не снимает перчатки по этикету. А у меня варежки все в березовых ошурках. Я снимаю их, конечно, со своих рук, чтобы поздороваться. А он мне говорит: «Почему нарушаете этикет? Не нарушайте этикет!» И пришлось мне опять натя-

нуть рукавицы на руку, чтоб поздороваться, не нарушая этикет. Это была наша последняя встреча с ним...»

Помнит Ариадна Александровна и отца Евгения Воронцова. «Он был специалист по еврейскому языку и считался настоятелем Пятницкого храма... Он был человек глубоких мыслей. Его проповеди были очень глубокими, необыкновенными, и слушать его можно было без конца...»

Помнит Ариадна Александровна и заведующего библиотекой МДА Константина Михайловича Попова, которого она характеризует как прекрасного библиотекаря.

Помнит она и других профессоров и преподавателей МДА. «Тареева Михаила Михайловича помню, Попова Ивана Васильевича помню. Очень он благородный был человек и жил от нас близко. Он бывал у нас. Туницкого Николая Леонидовича помню... Потом еще Александр Михайлович Туберовский. Он, как и отец, тоже был рязанский. Когда Академию закрыли, он уехал в Касимов, там женился и был священником в селе, где жили его родители, а потом, конечно, попал и пропал. Тареев, Туницкий, Попов, Туберовский — это были наши друзья».

***

Мирная кончина Ариадны Александровны последовала 16 июня 1998 года. В заключение хотелось бы сказать несколько слов об одном незначительном на первый взгляд событии, которое произошло за несколько лет до ее смерти. Во время ректорства Преосвященного Филарета (Карагодина), епископа Дмитровского (1992–1995 гг.) Ариадна Александровна передала в дар Академии икону Богоявления, родительское благословение ее отца, Александра Павловича Шостыина. Это был свадебный образ, полученный им при вступлении в брак в 1894 году. Долгое время эта икона находилась в красном углу квартиры Шостыиных в Сергиевом Посаде.⁵ Во время отпевания Александра Павловича она лежала на аналое академического храма, провожая его в последний путь, а затем перешла по наследству Ариадне Александровне. Теперь этот намоленный образ хранится в ризнице академического Покровского храма как свидетельство нашего духовного родства с Академией начала XX века, как знак нашего преемства, призывающий нас молитвенно помянуть почивших наставников наших.

Стасюк Владимир, III курс МДА

¹ Голубинский Д. Ф. (1832–1903 гг.). Профессор кафедры Естественнонаучной Апологетики, преподавал в 1854–1903 гг.

² Смирнов С. И. (1870–1916 гг.). Профессор кафедры Истории Русской Церкви, преподавал в 1896–1916 гг.

³ Спасский А. А. (1866–1916 гг.). Профессор кафедры Истории Древней Церкви, преподавал в 1893–1915 гг.

⁴ Муретов М. Д. (1852–1917 гг.). Профессор кафедры Священного писания Нового Завета, преподавал в 1878–1917 гг. Инспектор МДА в 1906–1907 гг.

⁵ Профессор Александр Павлович Шостыин. Некролог. Сергиев Посад. 1916. С. 65–66.